

шительный удар нанесла война: перья вместе со шляпами так и не смогли от него оправиться. Мастерские закрывались одна за другой. А в 1980-х рынок сдался быстрой и дешевой азиатской рабочей силе, и с этим производством французы не могли, да и не хотели бороться. Оставшиеся во Франции ателье можно пересчитать по пальцам одной руки: три из них и по сей день делают костюмы для спектаклей и кабаре, в частности для «Мулен Руж». Одно занимается окраской перьев. И только Lemarie работает с haute couture.

Paraffection — дочерняя компания Chanel, созданная специально для курирования всех ателье и сохранения мастерства Made in France, — купила Lemarie в 1997 году у Андре Лемарье. Внук Пальмиры Койет — основательницы ателье (1880 год) — сделал все, чтобы семейное предприятие не разлетелось в пух и прах. Хотя все, казалось, было против: и общий спад в области, и все новые законы, ограничивающие использование натуральных перьев. Главный документ — Конвенция о международной торговле видами дикой

фауны и флоры, которые находятся под угрозой исчезновения, была подписана в Вашингтоне в 1973 году. Согласно ей, работать разрешено только с небольшими съедобными птицами, такими как петухи, гуси, фазаны и страусы. Никакой райской экзотики. Именно поэтому Lemarie так бережно следят за своими запасами, в которых есть перья-долгожители, — им сегодняшний закон не писан. Но для Карла Лагерфельда Андре Лемарье — это прежде всего «господин с камелиями», человек, который с начала 60-х годов делает броши-камелии по заказу самой Габриэль Шанель. Из каких только тканей он не делал любимый талисман француженки! Твид, органза, кожа, мех, атлас, пластик. А она платила ему щедрыми заказами: доходило до 20 тыс. цветков в год. Работа кропотливая, на создание одного экземпляра уходит от 20 минут до полутора часов работы. Но для Lemarie, как и полвека назад, камелии остаются главной статьей дохода. Значит, счастливым этот цветок оказался не только для Габриэль Шанель.